

После неолиберализма: две стратегии мобилизации общественного мнения

ФЕДОР
НИКОЛАИ

*Taking Control! Humanity and America
after Trump and the Pandemic*

ANTHONY BARNETT

London: Repeater Books, 2022

Перспективы мирового развития «после неолиберализма» уже более двадцати лет активно обсуждаются в социальных и гуманитарных исследованиях самыми разными авторами, включая Алена Турена, Стюарта Холла, Марка Бевира и других¹. На этом фоне книга «Беря под контроль! Человечество и Америка после Трампа и пандемии» Энтони Барнетта – британского журналиста и политического активиста, одного из создателей журнала «New Left Review» и медиаплатформы «openDemocracy» – интересна не только как теоретический анализ волны правого популизма в США и во всем мире, но и как практическое руководство к действию. На такой практический смысл указывает

1 BEVIR M. (Ed.). *Governmentality after Neoliberalism*. New York: Routledge, 2016; CALHOUN C., DERLUGUIAN G. (Eds.). *The Deepening Crisis: Governance Challenges after Neoliberalism*. New York: New York University Press, 2011; HALL S., MASSEY D., RUSTIN M. (Eds.). *After Neoliberalism? The Kilburn Manifesto*. London: Lawrence & Wishart Ltd., 2015; TOURAINE A. *Beyond Neoliberalism*. New York: Polity, 2001.

**НОВЫЕ
КНИГИ**

233

*Федор Владимирович
Николаи (р. 1976) –
историк, профессор
РГГУ, старший научный
сотрудник Школы акту-
альных гуманитарных
исследований Институ-
та общественных наук
РАНХиГС.*

первая часть ее названия, которую можно рассматривать как перформативное действие в духе «захвата слова» участниками студенческих волнений 1968 года. Брать под контроль, правда, Барнетт предлагает не слово, а выборы – саму процедуру голосования в США, где благодаря бывшему президенту Дональду Трампу, отказавшемуся покинуть Белый дом и призвавшего своих сторонников в январе 2021 года к захвату Капитолия, демократия оказалась под угрозой.

Основной тезис книги кажется на первый взгляд достаточно простым: против Трампа и других правых авторитарных политиков, активно поддерживающих друг друга во всем мире, необходимо создать интернациональную леволиберальную коалицию. Без нее невозможно сохранить демократию и социальные достижения второй половины XX века. Почему популярность правых популистов продолжает расти? Неoliberalизм сегодня перестал работать. Но левые, занимаясь на протяжении долгого времени совершенно справедливой теоретической и культурной критикой неolibеральной гегемонии, так и не предложили внятного и работающего проекта будущего, тогда как правые во главе с Дональдом Трампом, Владимиром Путиным, Си Цзиньпином активно строят националистические ретротопии, рекламируя свои успехи в медиапространстве.

В этом контексте Барнетт предлагает левым и либералам отложить свои разногласия – слишком велики ставки. Более того, подобно тому, как в фильме «Пираты Карибского моря» благородные и отважные Элизабет Суон (в исполнении Киры Найтли) и Уилл Тёрнер (Орландо Блум) для достижения цели вынуждены заключить временный союз с весьма сомнительными персонажами – циничным прагматиком Джеком Воробьем и другими пиратами Тортуги, – левым социалистам и демократам сегодня нужно перетянуть на свою сторону «миноритарных» сторонников Трампа, за которого, кроме 60% белых мужчин из среднего класса, голосуют 20% прекариата и разорившихся американцев, испытывающих такой же сильный ре-сентимент, как и мобилизованные республиканцами ветераны боевых действий в Афганистане и Ираке (составлявшие 20% участников захвата Капитолия). Барнетт настаивает, что им необходимо систематически показывать, насколько цинично Трамп (как Ост-Индская компания в «Пиратах») использует их в борьбе за власть и интересы консервативных элит, и почти никогда не держит своих предвыборных обещаний.

Книга Барнетта рассчитана на широкую аудиторию, которой автор напоминает причины победы Трампа на выборах 2016 года: прежде всего его успех был обеспечен справедливой критикой коррумпированности демократов – во главе

с самой Хилари Клинтон² – и отказом от серьезных реформ во внутренней и внешней политике (включая нежелание полностью уйти из Афганистана). Ностальгия по индустриальному обществу и лозунг восстановления былого величия Америки («Make America Great Again») неразрывно связаны с разочарованием в неолиберализме и поиском выхода из него³. Этот выход требует мобилизации политических сил, что принципиально отличает Трампа от неолибералов. Напомним, что накануне кризиса 2008 года глава Федеральной резервной системы США и ведущий архитектор неолиберализма Алан Гринспен отвечал на вопрос о том, за кого будет голосовать на ближайших выборах, так:

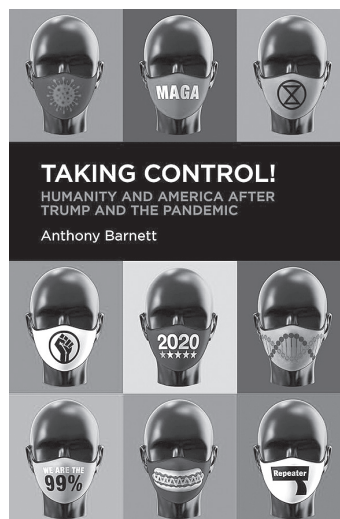
«К счастью, благодаря глобализации политические решения в США во многом подчинены рыночным силам. Если не затрагивать вопросов национальной безопасности, совершенно не имеет значения, кто будет следующим президентом. Миром управляют силы рынка» (р. 67).

Число голосующих за неолибералов сокращалось еще до начала кризиса 2008 года – прямо в соответствии с их концепцией деполитизации общественного мнения, сформированной в конце 1970-х – начале 1980-х как ответ на политическую активность 1960-х. Неолиберализм деполитизировал общество, а Трамп вместе с правыми автократами, с одной стороны, равно как и Барнетт вместе с левыми либералами, с другой, пытаются сегодня вернуть значение политической сфере, используя шмиттовское – собственно политическое – размежевание на «друга» и «врага».

К различиям авторитарной и леволиберальной стратегий мобилизации, сражающихся сегодня между собой на руинах неолиберализма, мы еще вернемся. Но прежде вслед за Барнеттом отметим, что неолиберализм так долго удерживал господство не сам по себе, не в силу своей какой-то особенной эффективности, но во многом благодаря целому ряду внешних факторов: ускоренному технологическому развитию; окончанию «холодной войны» и активной глобализации; развитию политических технологий; экспансии сферы интернет-развлечений и интернет-платформ. Население в мире выросло с 2,5 миллиарда в 1950 году до сегодняшних 8 миллиардов человек, а грамотность с 50% увеличилась до 90% отнюдь не вследствие нео-

- 2 Билл и Хилари Клинтон за свои публичные выступления в 2001–2015 годах получили 125 миллионов долларов. Только за три конфиденциальные консультации Хилари Клинтон получила от «Goldman Sachs» в 2016-м 675 тысяч долларов (р. 79).
- 3 В России аналогичную природу ностальгии как разочарования, как скрытой социальной критики современных властей убедительно показывают целый ряд исследователей. Например, см.: *Память в сети: цифровой поворот в memory studies* / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

ФЕДОР НИКОЛАИ
ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА...

либеральной политики. Значительная часть этого населения родилась в Китае, и там же была произведена львиная доля товаров массового потребления (ВВП Китая вырос с 200 миллиардов до 14 триллионов долларов с 1980-го по 2020 год). А в Китае никакого неолиберализма вообще не было – там именно авторитарное государство показало, что может эффективно управлять экономикой (р. 72). В 2000-е неолиберализм пытался приписать эти заслуги себе, однако четыре важных фактора привели к его необратимому падению: финансовый кризис 2008 года, успехи Китая, глобальное потепление и пандемия. «Благодаря первым двум факторам Трамп стал президентом, – пишет Барнетт, – из-за двух вторых он потерял свой пост» (р. 82).

Глобальное потепление интересует Барнетта и современных левых либералов не просто как результат пагубного воздействия технологий модерна на окружающую среду и жизнь самых разных сообществ – борьба против изменений климата заняла освободившееся место утопий XX века и представляет собой едва ли не единственную оставшуюся модальность интереса к будущему. Кроме того, эта борьба создает, в конечном счете, широкое моральное сообщество, претендующее на универсальность своей позиции и действующее на уровне политических суждений в публичной сфере, а не на уровне бесконечной итерации деполитизированных аффектов, как это делает Голливуд в фильмах-катастрофах и в кинематограф развлечений вообще.

Пандемия, с точки зрения Барнетта, важна потому, что впервые в истории практически все государства мира – авторитарный Китай и леволиберальная Германия, республиканская администрация Трампа и команда Байдена – решили пожертвовать экономическим ростом ради благополучия людей, объявив локдаун и выделив колоссальные бюджетные средства на компенсации бизнесу и миллионам потерявших работу⁴. Это решение ярче всего продемонстрировало, что неолиберализм мертв. И хотя эффективность китайской и европейской моделей преодоления пандемии пока трудно сравнивать между собой строго социологически, Барнетт считает, что последняя оказалась явно более востребованной практически во всех государствах мира, включая Россию.

После неолиберализма возможны две конфигурации властных отношений и, соответственно, две модели управления населением: рост авторитарного централизованного контроля, который в условиях пандемии показал крайне слабую эффективность, и делегирование более широких полномочий местным и профессиональным сообществам, а также честное при-

⁴ За неделю локдауна 10 миллионов американцев оказались безработными, а в целом с февраля по апрель 2020 года безработица выросла с 3,5% до 14,7% (р. 107).

знание администрацией ограниченности своих возможностей. Байден победил не просто потому, что за него голосовали, голосуя, по большому счету, «против Трампа», – заслугой Байдена стала готовность сотрудничать с профессиональными сообществами и широкой низовой коалицией (включая сторонников Берни Сандерса). Формирование такой левоцентристской коалиции, случившееся явочным порядком – почти случайно, – служит, по Барнетту, основанием для осторожного оптимизма в наши нелегкие времена. Автор видит в этом контингентное присутствие будущего в настоящем – такое присутствие подобно случайно приоткрывшейся калитке: полностью распахнуть ее можно только собственным усилием. Пассивное ожидание, что она откроется сама собой, подчиняясь детерминации немумолимых законов истории, приведет к тому, что она захлопнется окончательно (при этом важно, чтобы калитка действительно немного приоткрылась – полная непредсказуемость будущего парализует политическое действие не меньше, чем тотальный детерминизм). Название книги – «Беря под контроль!» – предполагает активность именно в отношении конкретной ситуации и сложившегося баланса сил, а не фронтальный оптимизм и веру в неизбежность прогресса образца 1960-х. Такого рода понимание истории-как-контингентности отталкивается от специфической новизны ситуации, но предполагает извлечь практический смысл из ее соотнесения с предшествующей конъюнктурой⁵.

Поддержать эти крайне осторожные надежды Барнетту позволяет социологический анализ динамики американского электората – как сторонников Трампа, так и его противников. За Байдена голосуют 57% женщин (даже среди республиканцев – им не нравится мачизм Трампа); большинство недовольных расистской риторикой афро- и испано-американцев; а главное – левая молодежь, которая раньше не ходила на выборы и не испытывала симпатий к демократам⁶. Сторонники Байдена не просто смогли мобилизовать дополнительные 15 миллионов голосов (за Клинтон в 2016-м голосовали 66 миллионов человек, за Байдена в 2020-м – уже 81 миллион), речь идет именно о сознательной антиконсервативной активности снизу. Бла-

ФЕДОР НИКОЛАИ
ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА...

5 Подробнее о таком взгляде на историю см.: Олейников А. *Будущее в настоящем* // Неприкосновенный запас. 2022. № 2(142). С. 57–68; Он же. *Время истории* // Логос. 2021. № 4. С. 5–30.

6 Как пишет Барнетт, 67% людей в возрасте от 18 до 34 лет поддерживают социалистические идеи. 75% связывают проблемы экологии и глобального потепления с последствиями капиталистической экспансии. 71% обвиняют капитализм в расизме; 73% – в «эгоизме и жадности», которым противопоставляются характерные для социалистов «солидарность, эмпатия и сотрудничество». Важно отметить, что после 65 лет лишь 27% респондентов позитивно отзываются о социалистических идеях и 69% считают капитализм более продуктивной формой (Р. 302–303). Популярность социалистических идей среди молодежи крайне важна, поскольку это делает позиции левых более сильными на следующих президентских выборах, если молодые избиратели не разочаруются в коалиции с умеренными либералами.

годаря этой активности не очень демократичная (непрямая) американская избирательная система сработала: даже республиканцы, находясь под наблюдением активистов, считали голоса честно и не использовали административный ресурс на уровне штатов. В Аризоне Трамп проиграл 10 457 голосов; в Джорджии – 11 799; в Висконсине – 20 682. То есть судьбу выборов решил не общий перевес в 15 миллионов голосов за демократов, но 40 тысяч избирателей именно в этих штатах и скрупулезный подсчет их голосов.

За Трампа в свою очередь стабильно голосуют 60% белых мужчин из американского среднего класса. Напомним, что республиканцы на выборах 2020 года набрали на 10 миллионов голосов больше, чем в 2016-м. Кого они смогли мобилизовать среди тех, кто раньше не ходил на выборы? Многих ультраправых расистов, которые при Рейгане и неоллибералах были деполитизированы; евангелистов и противников абортов; рассчитывающих на его административный ресурс коррупционеров⁷. Но, кроме этого, около 20% сторонников Трампа принадлежат к прекариату и низшему среднему классу. Они недовольны неоллиберализмом, поэтому за их голоса нужно бороться, напоминаю им, что с 2000 года доходы среднего класса упали в среднем на 8%. А доходы 1% самых богатых американцев с 1975-го по 2018 год выросли в пять раз. Трамп критикует неоллиберализм и хочет оставить его в прошлом. Но рост политической сферы важен для него лишь как средство мобилизации избирателей ради сохранения этого неравенства, которое не изменилось за годы его президентства.

Говоря о социальных интересах и политическом языке этих 20%, Барнетт готов смириться с их умеренным национализмом, трактуя последний в духе марксиста Эрика Хобсбаума как неосознанный перевод социального протеста и классовой солидарности на язык национальной общности и идентичности. Хотя в традиционном марксизме национальный вопрос жестко *противопоставлялся* интернациональной солидарности (которая должна и сегодня сохраняться между левыми), Барнетт отмечает:

«Осмысленная демократия, ограничение капитализма и работа социальных лифтов не возможны без признания наций. Последние являются неотъемлемой частью процессов эмансипации» (р. 290).

7 Например, миллиардер Шелдон Адельсон пожертвовал 218 миллионов долларов на предвыборную кампанию Трампа. Барнетт связывает это с попыткой использовать административный ресурс республиканцев в условиях судебных преследований по обвинению в налоговых махинациях и отмывании денег (р. 51). «Десятилетия рыночного фундаментализма породили капитализм азартных игр, наркотиков, порнографии, торговли оружием и недвижимостью. 9% американских миллиардеров, совокупное состояние которых составляет 210 миллиардов долларов, либо напрямую, либо через своих близких финансировали кампанию Трампа в 2020 году» (р. 94).

С этой точки зрения, нации как «воображаемые сообщества» сохраняют свой освободительный потенциал не только в развивающихся странах, борющихся за независимость на развалинах империй (включая СССР), но и в ведущих мировых государствах. Правые политики – от Трампа до Путина и Эрдогана – используют националистический язык, равно как и критику неолиберализма, для сохранения экономических интересов старых элит. В условиях обострения современных конфликтов, считает Барнетт, леволиберальной коалиции придется сотрудничать с умеренными националистами, рассматривая язык последних как проявление «разделяемого авторитета» (*shared authority*). Напомним, что последнее понятие активно использует в своих работах Майкл Фриш, работавший с профсоюзными активистами 1960–1970-х и собиравший их воспоминания в рамках устной истории⁸.

Такое сотрудничество позволяет профсоюзным активистам более внятно сформулировать и донести свои политические идеи до более широкой аудитории; а работающих с ними историков оно превращает из оторванных от мира интеллектуалов в представителей интересов широких социальных групп. С точки зрения Барнетта (который, впрочем, не ссылается на Фриша), «разделяемый авторитет» и соответствующий рост социального статуса (*shared empowerment*) отражают стремление угнетенных найти действенный язык не просто для описания реальности, но для ее преобразования – это эффективный способ улучшить свое положение, присоединившись к ведущей социальной группе. Во время президентства Трампа такой группой чаще могли выступать правые сторонники ревизии неолиберализма. Но сегодня, в эпоху усиления леволиберальной коалиции, предложить умеренным националистам присоединиться к большинству и войти в «народную историю» могут и сторонники восстановления социального государства, признающие необходимость повышения социальной мобильности.

Однако, на наш взгляд, довольно трудно прогнозировать, насколько левым либералам получится удержать умеренный национализм от столкновений с другими «воображаемыми сообществами» в неизбежной конкуренции за социальные лифты. Как тактическая попытка отвоевать часть голосов у правых эта идея Барнетта, безусловно, продуктивна. Но лишь при условии, что временный характер этого союза будет подталкивать его участников к активизации действенных социальных лифтов.

Возможно, в США такое сотрудничество позволит активизировать социальные лифты. Но для российского читателя (как

⁸ FRISCH M. *A Shared Authority: Essays on the Craft and Meaning of Oral and Public History*. New York: State University of New York Press, 1990.

и для белорусского, китайского или иранского) перспективы «перевоспитания» националистов, как и призыв к контролю выборов ради победы леволиберальной коалиции, могут показаться совершенно нереалистичными. Националистический дискурс, включая «национализацию памяти», действительно, усиливается сегодня в самых разных странах мира⁹. Но любая политическая мобилизация там, где нет реально действующей многопартийности, будет работать на укрепление господствующей гегемонии правых. Более того, и деполитизация оппозиционно настроенной части общества будет использоваться автократами как сдерживающий фактор для сохранения гегемонии и придания режиму видимости «нормализации».

В этом контексте большой интерес в современной России, часто сравнивающей себя с поздним СССР и ностальгирующей по этому периоду¹⁰, могут вызывать альтернативные формы политической активности, которые рассматривает в своей работе «Это было навсегда, пока не кончилось» Алексей Юрчак: деконструкция «авторитетного дискурса»; максимальное стремление к «внезаходимости» по отношению к сложившейся системе; конструирование «сообществ своих» и так далее¹¹. Впрочем, такого рода тактики уклонения от мобилизационного дискурса правых в условиях цинического характера современной идеологии отчасти используются гегемонией для сохранения *status quo*. Характер их воздействия на систему предсказать довольно трудно. В частности, деконструкция авторитетного дискурса (вполне серьезного в СССР) сегодня во многом проваливается, потому что сам этот дискурс постоянно себя дезавуирует и не претендует на правдивость.

Для усиления и радикализации этих тактик могут оказаться важными: 1) интерес к их специфическому эмоциональному фону, постоянно осциллирующему между тревогой и депрессией (не имеющими ничего общего с официальным ресентиментом); 2) обсуждение будущего и вообще проблемы альтернативности в истории. Либеральные исследования культуры слишком долго эксплуатировали память о Второй мировой войне и геноцидах эпохи модерна. Сегодня лозунг «никогда больше» по-прежнему вызывает этический отклик, но он говорит о будущем *через прошлое*, то есть, по сути, работает так же, как ностальгия Трампа и правых. Конкуренцию с правыми автократами имеет смысл вести именно за будущее – только

- 9 Память о Второй мировой войне за пределами Европы / Под ред. А. И. Миллера, А. В. Соловьева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.
- 10 VOELE O., NOORDENBOS B., ROVBE K. (Eds.). *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies*. New York; London: Routledge, 2020; Липовецкий М., Михайлова Т. *Больше, чем ностальгия (поздний социализм в сериалах 2010-х годов)* // Новое литературное обозрение. 2021. № 2. С. 127–147.
- 11 Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

это позволит попробовать переориентировать националистов с их великим прошлым на идеи солидарности и необходимость построения более справедливого социального строя.

Возвращаясь к американской ситуации, переубедить миноритарных сторонников Трампа, особенно среди молодежи, вполне реально уже сегодня. В этом смысле книга представляет собой призыв к сотрудничеству – от поколения 1968-го к миллениалам и зумерам. И «после неolibерализма» – удачная формулировка, поскольку позволяет обозначить разрыв с прошлым и двигаться дальше.

«Америка не может вернуться к эпохе неolibерализма. Спор идет о том, что придет ему на смену. И это дает шанс гуманизму в его противостоянии верховенству выгоды» (р. 7).

Энтони Барнетт совершенно прав насчет конкуренции правого авторитаризма и леволиберальной стратегии мобилизации общественного мнения, которые сегодня активно набирают силу в самых разных странах мира. Первый рассчитывает на экономику и в этом сохраняет преемственность с неolibеральным капитализмом; вторая ищет новые политические форматы и идеи, устремленные в будущее. Впрочем, скорее всего эффективность этих стратегий (как и в эпоху «холодной войны») будет ясна не в краткосрочной, но в долгосрочной перспективе. Но Барнетт прав и в том, что большинству из нас уже в ближайшее время придется сделать выбор между ними – просто ностальгировать по эпохе неolibеральной деполитизации вряд ли получится.

ФЕДОР НИКОЛАИ
ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА...